

Вестник

Томского государственного

университета

№ 341

Декабрь

2010

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- БИОЛОГИЯ
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Майер Г.В., д-р физ.-мат. наук, проф. (председатель); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (зам. председателя); **Ревушкин А.С.**, д-р биол. наук, проф. (зам. председателя); **Катунин Д.А.**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **Аванесов С.С.**, д-р филос. наук, проф.; **Берцун В.Н.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Гага В.А.**, д-р экон. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Глазунов А.А.**, д-р техн. наук, проф.; **Голиков В.И.**, канд. ист. наук, доц.; **Горцев А.М.**, д-р техн. наук, проф.; **Гураль С.К.**, канд. филол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Демин В.В.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Ершов Ю.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кривова Н.А.**, д-р биол. наук, проф.; **Кузнецов В.М.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначев В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Петров Ю.В.**, д-р филос. наук, проф.; **Портнова Т.С.**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **Потекаев А.И.**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Прокументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прокументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Савицкий В.К.**, зав. редакционно-издательским отделом ТГУ; **Сахарова З.Е.**, канд. экон. наук, доц.; **Слизов Ю.Г.**, канд. хим. наук, доц.; **Сумарокова В.С.**, директор Издательства ТГУ; **Сущенко С.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Тарасенко Ф.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Татьянин Г.М.**, канд. геол.-минер. наук, доц.; **Унгер Ф.Г.**, д-р хим. наук, проф.; **Уткин В.А.**, д-р юрид. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Шрагер Э.Р.**, д-р техн. наук, проф.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Аванесов С.С., д-р филос. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Гураль С.К.**, канд. филол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначев В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Петров Ю.В.**, д-р филос. наук, проф.; **Прокументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прокументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
Высшей аттестационной комиссии
(Подробнее см.: <http://vak.ed.gov.ru>)

ИСТОРИЯ

УДК 94

Л.А. Андропова

«ПАРТИИ» В ТРАДИЦИОННОЙ КОРЕЕ: ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ

Исследуется деятельность группировок политической элиты, боровшихся за влияние при дворе короля. Еще до прихода европейцев в политической практике Кореи существовало такое явление, как «партия» («тан»), отражавшее черты традиционной политической культуры. Особое внимание уделено периоду правления династии Ли, когда характерной чертой жизни правящей элиты становится ее деление на «партии».

Ключевые слова: партия («тан»); Корея; традиционное общество; политическая культура.

На рубеже и в первые века нашей эры на территории Корейского полуострова шел процесс генезиса государств. В центре государственной системы каждого из трех государств (Когурё, Пэкче, Силла) находился абсолютный верховный правитель. Вместе с аппаратом королевской власти формировались слои аристократии и служилого сословия, важнейшей особенностью которых было разделение на столичную и местную знать.

В Когурё становление государственной власти было связано с проникновением конфуцианства и влиянием китайской политической культуры. Ведущая роль в управлении принадлежала пяти областям. В данном явлении прослеживаются истоки формирования современного регионализма в политической системе Республики Корея, когда большинство высокопоставленных чиновников и политических деятелей – это выходцы из юго-восточных провинций. В Пэкче становление государства происходило вокруг девяти аристократических родов [1. С. 55–56]. Государственный аппарат был достаточно сложным и разветвленным. В Силла все дела государственного управления были сосредоточены внутри разросшегося королевского рода. Высшие придворные должности занимали главы родовых объединений. И именно в Силла произошел первый в корейской истории случай открытой борьбы за власть внутри правящего рода [2. С. 122–126].

Период становления государственности в Когурё, Пэкче и Силла сопровождался борьбой за власть либо различных родов, либо соперничеством между кандидатами внутри правящего клана. Такая политическая борьба и формирующиеся для достижения цели – захвата трона – протополитические группировки свидетельствуют о пережитках предгосударственного общества. Но уже в период войн Трех государств как с Китаем, так и между собой политическая борьба обостряется и протопартийные группировки начинают различаться не только в силу поддержки того или иного претендента на престол. Например, в середине VII в. ввиду напряженной ситуации с Китаем в Когурё обострилась борьба внутри высшего чиновничества. Одна группировка выступала за войну с династией Тан, другая – за мир на севере и войну с южными соседями. Сначала при дворе доминировала группировка, настаивавшая на войне с соседними корейскими государствами, но в 642 г. в результате государственного переворота к власти пришли сторонники войны с Китаем [3. С. 149].

К концу VII в. большая часть Корейского полуострова была объединена под властью королевства Силла. Во второй половине VIII в. начинается ослабление государственной власти и как следствие – увеличивается количество мятежей аристократии: в 768 г. мятеж брата против короля Хэгонвана, в 775 г. очередной заговор, закончившийся казнью его зачинщиков, в 780 г. – еще один мятеж, закончившийся убийством вана [2. С. 209–237]. Описанный период демонстрирует, что нарушение общепринятой нормы (гармония в обществе, стабильность, социальный порядок) способствовало возникновению протопартийных группировок. Ко второй половине IX в. центробежные тенденции усилились настолько, что все больше стало появляться «сильных домов», имевших собственные земли и военные отряды. Эта родовая аристократия и стала одним из основных источников сепаратизма в государстве Силла. В последние десятилетия X в., когда власть оказалась неспособной справиться с кризисными явлениями в обществе, происходило формирование протопартийных группировок. Так как не было еще создано централизованного государственного аппарата с вертикалью власти, то многочисленные объединения «сильных семей» пытались воспользоваться ситуацией и захватить власть. Можно говорить о закладывании некоторых традиций в формировании протопартийных группировок – их региональный характер и недолгие периоды существования. Последняя характеристика данного периода объясняется тем, что политические группировки представляли объединения аристократов, стремящихся к захвату власти и к получению различных благ.

После смерти основателя новой династии Ван Гона обострились противоречия между его сподвижниками. Серьезной проблемой для государства стали так называемые «заслуженные сановники» *консин* – те, кто помог Ван Гону объединять корейские земли и кто захотел получить свою долю верховной власти [4. С. 95]. Поэтому только четвертому королю династии Корё – Кванчжону (950–975 гг.) удалось преодолеть влияние старой заслуженной аристократии. Была реформирована система чиновничьих должностей: все чиновничество было разделено на две группы – гражданских *мунбан* и военных *мубан*. Впоследствии все высшее сословие Кореи стало именоваться словом *янбан*, что означает «две группы». Военные чины в Корё занимали более низкое положение, чем гражданские. Несмотря на это, военные активно участвовали в политической борьбе, формируя

свои группировки, устраивая заговоры и мятежи. Также в первой четверти XII в. усиливается противостояние «старой» потомственной аристократии столицы и «нового» служивого сословия из провинции. Основные причины такого противостояния были заложены еще в XI в., когда происходил процесс преобразования государственных земель в частные владения. Это привело к тому, что каждому новому поколению служивого сословия доставалось все меньше и меньше земель.

Эти факторы противостояния внутри правящей элиты вместе с ослаблением центральной власти привели к становлению практики реального управления со стороны придворных группировок, к борьбе между ними и особой роли военного сословия, стремящегося к уравнению в правах с гражданскими сановниками. В 1126 г. вспыхнул первый значительный мятеж представителя аристократии Ли Чжагёма, в 1135 г. – второй мятеж под руководством буддийского монаха Мё Чхона. Эти мятежи стали следствием противостояния старой столичной аристократии, представителем которой и являлся Ли Чжагём, и новыми выходцами из провинции, идеологом которых был Мё Чхон. Противостояние обострялось различными взглядами на внешнеполитический курс: стоило ли государству Корё признать требования чжурчжэньского государства Цзинь и принять сюзеренитет Цзинь над Корё или не подчиняться [4. С. 105–107]. Старая столичная аристократия выступала за то, чтобы признать требования Цзинь, «новые» же чиновники призывали не подчиняться.

Мятежи способствовали дальнейшему обострению борьбы за власть между придворными группировками. И в конце XII в. на политическую арену вышли военные сановники. В 1170 г. военные подняли мятеж и захватили реальную власть в Корё. «Эпоха военных» продолжалась до 1270 г., хотя номинально королевская власть в стране существовала. Кризис второй половины XII в. привел к установлению в Корё власти военных.

Изучение процесса формирования и трансформации протопартийных группировок в Корё позволяет увидеть, как нарушение общепринятой нормы, ухудшение жизни всех слоев населения приводило к обострению политической борьбы, дворцовым переворотам и мятежам аристократии. Также именно в период государства Корё складывается практика захвата власти военными в тяжелые для страны условия. Власть военных, особенно периода диктатуры рода Чхве (1196–1258 гг.), была достаточно спокойной для страны и оставила в памяти большинства населения положительные воспоминания о господстве военных. То есть первые случаи захвата реальной власти военными на достаточно длительный срок оставили положительный след в памяти народа, заложили основы для использования таких методов правления в будущем, создали у военной элиты представления об их исторической роли в истории страны.

В конце XIII в. происходило формирование нового сословия мелкого и среднего чиновничества, выходцев из провинции. Это провинциальное служилое сословие в Корее XIV в. получило название *садэбу*, что значит «ученые и большие мужи». Они противостояли корёской аристократии – выходцам из семей богатых землевладельцев. И если идеологией старой аристократии было конфуцианство эпохи китайской династии Тан и

буддизм, то *садэбу* придерживались обновленного конфуцианства китайской династии Сун. *Садэбу*, в отличие от старой аристократии, относились к классу мелких и средних землевладельцев. Среди них важную роль играли военные сановники периода «диктатуры военных» и монгольских военных походов.

В последние годы существования государства Корё появились первые «партии», ставшие основной формой политических группировок в период династии Ли. Король Конминван (1351–1374 гг.) в своих реформах опирался на молодых гражданских чиновников, которые получили название «партия реформаторов» [5. С. 210]. При дворе развернулась острая борьба между двумя группировками, которые различались и по социальному происхождению (старая аристократия с крупными земельными владениями и «новые» сановники с небольшими наделами), и по идеологии (конфуцианство и неоконфуцианство), и по взглядам на государственное управление (с одной стороны, сохранение старой системы землепользования, поддержание отношений с монгольской династией Юань, с другой – проведение земельной реформы, укрепление отношений с китайской династией Мин). Несмотря на новый уровень протопартийных группировок, методы борьбы остались прежними: доносы, убийства, дворцовые перевороты. Посредством дворцовых интриг реальная власть в стране перешла к «партии реформаторов», и они приступили к активному проведению реформ. Но в начале 1390-х гг. уже внутри реформаторской партии начались разногласия. В 1392 г. Ли Сонге, один из лидеров реформаторов, устроил заговор и провозгласил себя основателем новой династии Ли, и страна получила новое название – Чосон.

Первые годы правления династии Ли были неспокойными, и становление новой власти происходило на фоне острой политической борьбы, сопровождающейся достаточно кровавыми событиями. Причиной нестабильности новой власти было противостояние различных группировок внутри правящего класса. В этом противостоянии уже не участвовали выходцы из старой корёской аристократии. Основу власти Ли Сонге составили представители «партии реформаторов». Противостояли им так называемые неоконфуцианские чиновники-ученые (*сарим*), выдвинувшиеся на волне смены династий [6. С. 646–647]. В сущности, обе группировки придерживались конфуцианских взглядов, только неоконфуцианцы-*сарим*, будучи «новыми», вновь выдвинувшимися сановниками, обладали более радикальными взглядами на вопросы управления государством и не имели крупных источников доходов.

Кровавыми столкновениями *саримов* и «заслуженных сановников» были отмечены конец XV – первая четверть XVI в. Одна из причин особой роли *сарим* в развитии корейского общества XVI в. связана с особенностями их организации – тесная связь с провинцией, точнее, с частными конфуцианскими учебными заведениями *совон*, в которых они обучались и которые становились опорными центрами той или иной группировки внутри самих *сарим*. *Совоны* выполняли роль организующих региональных центров, обеспечивающих интересы местных аристократических группировок [7. С. 131].

В общественной мысли Кореи XVI в. существенное место занимали споры о двух первоначалах: *ли* и *ки* – высшем духовном и материальном началах. Эти споры об абстрактных вещах послужили одной из идейных основ распада корейского правящего класса на так называемые «партии» (*тан*). Поводом для раскола стал конфликт 1575 г. между двумя чиновниками, претендовавшими на одну и ту же должность. Оба собрали вокруг себя группы сторонников, которые и стали основой для будущих «партий». В 1570-е гг. возникли две «партии» – «Восточная» и «Западная». Названия связаны с тем, что руководитель одной «партии» жил в Восточном Сеуле, а другой – в Западном. Считается, что сторонники «Восточной партии» рассматривали основой всего идеальное начало *ли*, а последователи «Западной партии» принимали за первооснову материальное начало *ки*.

Таким образом, одной из характерных черт жизни правящей корейской элиты династии Ли стало ее деление на группировки, или «партии» (*тан*). Этот термин китайского происхождения в современных языках Дальнего Востока (корейский, китайский, японский) означает «политическая партия». В дальневосточной политической культуре отношение к явлению «*тан*» было негативным [8. С. 60]. Сам термин вошел в политическую жизнь правящей элиты в качестве устойчивого обозначения придворных группировок в конце XVI в. Конфуцианство не признавало за чиновниками права на образование группировок. Для традиционной конфуцианской культуры создание «партий» воспринималось как аморальное поведение, когда чиновник ставит личные интересы выше общих [7. С. 215]. Несмотря на негативную окраску такого явления, как «партии», в XVI–XVIII вв. их борьба превратилась в основной фактор внутривластной жизни страны.

«Партии» стали качественно новым явлением в политической жизни Кореи. Во-первых, у «партий» был достаточно определенный круг сторонников, и смена предпочтений, т.е. переход из одной «партии» в другую, был практически невозможен. И, во-вторых, их влияние не ограничивалось столицей, а распространялось на провинцию через те *совоны*, которые связывали определенные «партии».

До начала Имчжинской войны с японцами (1592–1598 гг.) власть попеременно переходила то к сторонникам «Восточной партии», то «Западной». Накануне войны ключевые посты оказались занятыми сторонниками «Восточной партии». При этом внутри «партий» происходили конфликты, носившие личный характер. Результатом стал раскол «партии» в 1589 г. на «Северную» и «Южную». Этот распад продемонстрировал одну из наиболее характерных черт «партий» – склонность группировок к расколу. При этом обычно раскол происходил в «партии», которая победила на тот момент в борьбе за власть. Практически всегда за победой «партии» следовал ее раскол, который либо приводил к появлению новых самостоятельных «партий», либо «партия» вновь сливалась в одну после утраты власти [8. С. 74]. После войны политическая борьба опять активизировалась – в основном, она шла между бывшими соратниками: «Северной» и «Южной партиями». Постепенно начала усиливаться «Северная партия», но ее

победа стала началом раскола: в 1599 г. «Северная» распалась на «Большую Северную партию» и «Малую Северную партию». К власти пришла «Западная партия».

Наиболее закономерный вопрос, который возникает при изучении политической традиции в средневековой Кореи, это сущность политических и идеологических воззрений, выразителями которых были «партии». При становлении «партий» в период конца XVI – начала XVII в. каких-либо заметных политических программ, различных взглядов на проведение реформ, на ведение внешней политики между «партиями» не было. Согласно мнению известного специалиста по политической борьбе в Кореи XVI–XVIII вв. А.Н. Ланькова, между «партиями» «отсутствуют не только различия в политическом курсе, но и, собственно говоря, политический курс как таковой» [8. С. 93]. То есть, несмотря на появление предпартийных группировок, противостояние между которыми оказывало решающее влияние на развитие государства Чосон в XVI–XVIII вв., различий в политических или идеологических установках не наблюдалось. С другой стороны, по мнению специалистов по партийному строительству, для предпартий необходима всего лишь «способность стать основой для сближения всех, чьи интересы оказывались в данный момент созвучными тем, что выражались лидерами той или иной группировки» [9. С. 117]. Согласно данному принципу корейские партийные группировки обладали сплоченностью, необходимой для сближения единомышленников. Новое обострение борьбы «партий» произошло в середине XVII в. Наиболее острым конфликтом того времени стал ритуальный конфликт 1659 г. Споры между «Западной» и «Южной партиями» разгорелись по поводу срока ношения траура вдовствующей королевой. В результате победу одержала «Западная партия», которая в 1683 г. распалась на «Старую партию» и «Молодую». Этот раскол стал последним в истории борьбы «партий», утвердив на корейской политической арене четыре политические группировки: «Молодая партия», «Старая партия», «Южная партия» и «Северная партия».

В рассмотренный период все разногласия и конфликты между предпартийными группировками не относились к вопросам внутренней или внешней политики, а лежали в области кадровых назначений на высшие должностные посты или касались вопросов ритуала и престолонаследия. При этом принадлежность к той или иной «партии» чаще всего передавалась по наследству и среди *янбан* существовал обычай наследственной мести за родственников, пострадавших во время «партийных» усобиц [10. С. 731].

В конце 1720-х гг. король Ёнчжо начал проводить курс на умиротворение «партий». Выступления короля с высказываниями против «партийной» борьбы стали постоянными. Ёнчжо старался проводить линию беспристрастного отбора чиновников на службу, выдвигал кандидатов вне зависимости от их «партийной» принадлежности. К концу 1720-х гг. в среде корейского чиновничества возникло мощное движение за ликвидацию «партий». Борьба «партий» ослабла, хотя сама система «партий» продолжала существовать до начала XX в. Политические конфликты теперь происходили либо между отдельными лицами, либо между группи-

ровками, куда входили представители разных «партий». Так закончился длительный период активного господства «партий» в истории Кореи. У современников это время оставило негативное впечатление: постоянные конфликты в рядах правящей элиты, дворцовые перевороты, заговоры, мятежи нарушали социальную стабильность в обществе, одну из главных ценностей конфуцианского учения.

Институт «партий» в средневековой Корее был достаточно аморфным образованием. Существовало некое «ядро», представлявшее наиболее влиятельных и авторитетных *янбан*, которых окружали их клиентелы – мелкие *янбан*, не имевшие достаточно источников доходов и искавшие покровителей среди известных деятелей. Эти клиентелы, связанные со своими патронами семейными и личными узами, и формировали «партии». Среди особенностей «партий» можно отметить их нестабильность. Раскол «партии» чаще всего происходил после прихода к власти. Если в XV – начале XVI в. главные столкновения происходили между партиями «заслуженных сановников» и *садэбу* – новым чиновничеством, каждая из которых имела достаточно четкую программу ведения государственной политики и опиралась на определенные социальные слои, то в XVII–XVIII вв. определяющим фактором, разделявшим *янбан* на «партии», становится борьба за государственные должности.

Если посмотреть на мировую историю, то можно найти немало примеров в истории традиционных обществ, когда за продолжительной борьбой политических группировок не стояли разногласия социальных слоев. Например, гвельфы и гибеллины в Италии или борьба Белой и Алой Розы в Англии. В любом случае для политического развития Кореи феномен «партий» стал новым этапом в развитии политических групп. Они уже имели своих лидеров, название, представительства на местах через *совоны* (частные конфуцианские школы), стабильный круг своих сторонников. Главной целью такой «партии» был приход к власти и назначение своих людей на государственные посты.

В XIX в. центральная власть ослабела, в результате чего усилилась борьба консервативных аристократических кланов. В начале XIX в. главенствующую роль при дворе стали играть семейные группировки, не связанные с «партиями». Борьба за власть и влияние шла между двумя семейными кланами королевских родственников – Ким и Чо. Главной их особенностью была нестабильность: чиновники, получившие должность благодаря своей приверженности роду андонским Кимов или пхуньянских Чо, понимали непрочность

своего положения и старались извлечь максимальную прибыль. Как следствие в первой половине XIX в. коррупция в стране достигла небывалых размеров. С середины XIX в. на формирование идеологических течений, политических взглядов государственной элиты, организацию просветительских, националистических и прочих движений достаточно сильное влияние стала оказывать проникающая западная и японская культура. Именно со второй половины XIX в. Корея вступила в период трансформации феодальной системы, вызванной внутренними причинами и растущим давлением внешних факторов. Таким образом, в первой половине XIX в. завершается длительный процесс формирования и развития «восточного типа партии».

На примере анализа существовавших политических группировок и «партий» в Корее можно выделить следующие черты «восточного типа партий»: отсутствие разногласий по внутривнутриполитическим преобразованиям (в основном причиной разделения на противоборствующие группировки становились споры по внешнеполитическому курсу или этическо-философские дискуссии: ход ритуала, трактовка проведения той или иной церемонии); социальную базу составляли аристократы и чиновничество, как высокопоставленное, так и среднее (вокруг влиятельных знатных аристократов группировались более мелкие представители правящего сословия и чиновничества – система патрон – клиент); основными задачами «восточного типа партии» были приобретение влияния при дворе короля и закрепление ведущих должностей в государственном аппарате за представителями «своей партии»; слабая институциональная структура – частые распады «партий» под воздействием внутренних конфликтов; регионализация – «партии» различались не по социальным слоям, интересы которых представляли, а по регионам, провинциям, местная элита в которых поддерживала конкретные группировки.

Данные традиции формирования и деятельности политических группировок, присущие политической системе традиционного корейского государства, оказали влияние на организацию и характерные черты современной партийной системы Республики Корея. На сегодняшний день среди недостатков «корейской демократии», в частности, называют и слабость партийной системы – несформированность политических программ, отсутствие четкой организационной структуры, регионализм. Некоторые из современных черт партийной системы имеют многовековую историю существования и были заложены еще в традиционном корейском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *История Кореи* (с древнейших времен до наших дней): В 2 т. М.: Изд-во Наука, 1974. Т. 1. 470 с.
2. *Ким Бусик*. Самгук саги. Кн. 1: Летописи Силла. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 2001. 600 с.
3. *Ким Бусик*. Самгук саги. Кн. 2: Летописи Когурё. Летописи Пэчче. Хронологические таблицы. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1995. 768 с.
4. *Волков С.В.* Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987. 289 с.
5. *Ли Ги Бек*. История Кореи. Новая трактовка. М., 2000. 463 с.
6. *Пак М.Н.* Укрепление феодального государства в конце XIV–XV в. // Пак М.Н. История и историография Кореи: Избранные труды. М.: Вост. лит., 2003. 911 с.
7. *Хангукса* (История Кореи): В 25 т. Сеул, 1983. Т. 12. 450 с.
8. *Ланьков А.Н.* Политическая борьба в Корее XVI–XVIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1995. 200 с.
9. *Васильев Л.С.* Становление политических партий и партии «нового типа» // *Общественные науки и современность*. 2010. № 2. С. 114–125.
10. *Пак М.Н.* Корея (XVII–XVIII вв.) // Пак М.Н. История и историография Кореи: Избранные труды. М.: Вост. лит., 2003. 911 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 октября 2010 г.